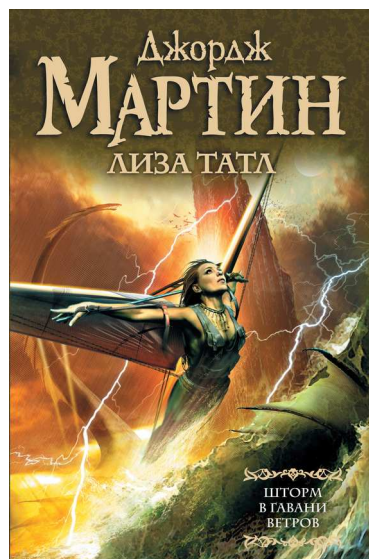

**Лиза Татл
Джордж Мартин
Шторм в Гавани Ветров
Серия «Гавань Ветров»**

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=6598848

Мартин, Джордж Р. Р. Шторм в Гавани Ветров : [фантастический роман] : АСТ; Москва; 2014

ISBN 978-5-17-079091-3

Оригинал: George R.R.Martin, "THE STORMS OF WINDHAVEN"

Перевод:

Александр Е. Жаворонков

Александр Игоревич Корженевский

Ирина Гавриловна Гурова

Аннотация

Некогда, в незапамятные времена Земля отправила своих детей колонизировать другие планеты.

Один из кораблей землян совершил вынужденную посадку в мире, почти целиком покрытом водой. Колонистам пришлось расселиться по множеству островков, объединенных в причудливые архипелаги, и вступить в схватку с опасными тварями, обитающими в океане. И тогда из корпуса погибшего корабля люди нарезали крылья...

Прошли века и века. Но и поныне крылья, позволяющие стремительно перекрывать расстояние между островами, доступны лишь сообществу летателей, равных самим Правителям планеты.

Юная Марис, дочь простого рыбака, не должна даже грезить полетом.

Однако кто может запретить ей мечтать – или, если угодно, добиваться, чтобы мечта стала явью?..

Содержание

Пролог	5
Часть первая	9
Часть вторая	46
Конец ознакомительного фрагмента.	52

Джордж Р. Р. Мартин, Лиза Талл

Шторм в Гавани Ветров

*Однажды вкусив полет, ты всегда будешь ходить по земле
с глазами, обращенными к небу, – ибо ты уже был там и тебя
неудержимо тянет туда вернуться.*

Леонардо да Винчи

George R.R. Martin and Lisa Tuttle

THE STORMS OF WINDHAVEN

Перевод с английского

А. Корженевского (Часть первая),

А. Жаворонкова (Часть вторая),

И. Гуровой (Часть третья)

Печатается с разрешения авторов и литературных агентств The Lotts
Agency и Andrew Nurnberg.

© George R.R. Martin and Lisa Tuttle, 1981

© Перевод. А. Корженевский, 1985

© Перевод. И. Гурова, наследники, 1995

© Издание на русском языке AST Publishers, 2014

Пролог

Почти всю ночь бушевал шторм, и почти всю ночь, лежа на широкой кровати рядом с матерью, девочка напряженно вслушивалась. В тонкие деревянные стены хижины хлестали потоки дождя, то и дело вспыхивала молния, на долю секунды освещая комнатенку сквозь щели в ставнях, и оглушительные удары грома сотрясали все вокруг.

Вода гулко капала на пол – видимо, крыша опять прохудилась. К утру земляной пол хижины превратится в раскисшее болото, и мать будет в ярости. Починить крышу матери не по силам, а нанять плотника – не по средствам.

Последнее время мать все чаще говорила, что скоро шторм сметет хижину и тогда они отправятся навестить отца. Хотя мать упоминала отца чуть ли не каждый день, девочка помнила его весьма смутно.

От очередного порыва ветра угрожающе затрещали хлипкие ставни, зашелестела промасленная бумага, заменяющая оконные стекла. Девочка не на шутку испугалась, ее мать же по-прежнему безмятежно посапывала. Штормы здесь не редкость и давно уже не нарушают сон женщины. Памятуя о вспыльчивом нраве матери, девочка не решалась потревожить ее из-за своих страхов перед разбушевавшейся стихией.

Вспыхнула молния, и почти одновременно прогрехотал громовой раскат; стены вновь прогнулись и закрипели. Девочка, поежившись под колючим шерстяным одеялом, подумала, не этой ли ночью они с матерью отправятся к отцу.

Но хижина выдержала, не рухнула, шторм мало-помалу унялся, дождь прекратился, и комната погрузилась в темноту и тишину.

Девочка потрясла мать за плечо.

– Что? – спросонья пробормотала та. – В чем дело?

– Шторм кончился, ма.

Женщина поднялась.

– Одевайся, – велела она, на ощупь разыскивая свою одежду.

До рассвета оставалось еще не меньше часа, но на берег необходимо было попасть как можно раньше. Штормы нередко разбивают заплывшие далеко в море рыбачьи лодки, а порой и торговые суда. Если выйти на берег сразу же после шторма, то можно подобрать много полезных вещей. Однажды они даже нашли нож с зазубренным лезвием и, продав его, досыта ели добрых две недели. Девочка давно уяснила для себя, что ожидающим рассвета лентяям не достается ровным счетом ничего.

Дочь и мать обулись. На случай, если они обнаружат что-нибудь плавающее у берега, женщина взяла длинный шест с деревянным крюком на конце, перекинула через плечо пока пустой холщовый мешок и сказала:

– Пошли.

На берегу было темно и холодно, с запада дул сырой пронизывающий ветер, а у кромки воды уже бродили трое или четверо старателей; их следы на песке быстро наполнялись водой. Время от времени кто-то из них останавливался, нагибался и разгребал песок. В руке ближайшего старателя горел фонарь. Девочка с сожалением вспомнила отличный фонарь, который они продали вскоре после смерти отца, и теперь ее близорукая мать часто не замечала в темноте полезных вещей.

Как всегда, они разделились: дочь пошла вдоль берега на север, мать – на юг.

– Поворачивай, как только рассветет, – крикнула мать ей вдогонку. – Помни, что в доме невпроворот работы.

Девочка слабо кивнула на ходу и, опустив глаза, побрела вдоль берега. Ей нравилось находить вещи. Если она возвращалась с кусочком металла или длинным, как ее рука, загнутым

тым желтым зубом ужасной сциллы, то мать улыбалась и называла ее хорошей девочкой. Но такие сюрпризы случались редко, и чаще мать хмурилась, бранила дочь, упрекала либо в неповоротливости, либо в глупости.

Сегодня, как нарочно, не везло. Предрассветный сумрак уже погасил самые тусклые звезды, а в карманах девочки были лишь два кусочка молочного океанического стекла да большая, размером с ладонь, липучка. Шершавая раковина липучки сушила нежное темное мясо. Но разве можно вдвоем насытиться одним моллюском? Девочка уже решила повернуть назад, как вдруг небо к северу от нее озарила серебристая вспышка. Будто зажглась новая звезда. Она поспешно подняла глаза, вглядываясь в небо над океаном. Через секунду вспышка повторилась чуть левее. Девочка понимала, что серебром блестят крылья летателя, отражающие первые лучи невидимого пока с земли восходящего солнца.

Ей нравилось наблюдать за полетом птиц – крошечных юрких буревестников, стремительных козодоев и высматривающих с высоты пададь стервятников. Но сереброкрылые летатели гораздо лучше птиц!

До рассвета оставалось совсем немного, и девочка заторопилась. Если она будет бежать туда и обратно, то, возможно, вернется домой раньше, чем ее хватится мать. Тяжело дыша раскрытым ртом, она мчалась мимо только что вышедших на берег людей, и липучка в кармане больно ударяла ее в бок.

Небо на востоке уже занялось ярким оранжевым светом, когда она наконец добралась до посадочной площадки летателей – песчаного пляжа под высокой скалой, откуда они взмывали в воздух. Девочка любила, взобравшись на эту скалу, оставаться наедине с небом и ощущать трепет ветра в волосах. Но сегодня подниматься на скалу некогда.

Она застыла у края посадочной площадки. Летатель, пролетев футов в тридцати над ее головой, опустил левое крыло, приподнял правое и, сделав над океаном изящный круг, пошел на посадку. Едва его ноги коснулись песка, как юноши и старухи, всегда помогавшие летателям, схватили его за крылья, остановили, затем что-то сделали, и крылья свернулись. Летатель отстегнул крылья, и двое юношей принялись медленно и аккуратно складывать их.

Девочка любовалась полетами многих летателей, некоторых даже узнавала, но чаще всего видела троих – жителей этого острова. Ей представлялось, что летатели живут на вершинах скал, в домах из бесценного серебристого металла, похожих на птичьи гнезда. Одна из ее знакомых летателей – суровая седовласая женщина с неизменно кислым выражением лица – нравилась ей гораздо меньше, чем второй – темноволосый парнишка с громким певучим голосом; но любимцем был только что приземлившийся – высокий, поджарый и широкоплечий, как ее отец, всегда чисто выбритый, темноглазый, кудрявый. Этот неизменно доброжелательный летатель парил над островом куда чаще других...

– Это ты?!

Девочка испуганно подняла глаза и увидела рядом своего любимца.

– Не бойся, – сказал он. – Я не кусаюсь.

Девочка отступила на шаг. Она часто наблюдала за летателями, но всегда издалека, и еще не было случая, чтобы кто-нибудь из них заговаривал с ней.

– Кто это? – спросил летатель у складывающего крылья помощника.

Юноша пожал плечами:

– Собирательница липучек. Как ее звать, не знаю. Она часто околачивается поблизости. Прогнать ее?

– Нет, нет! – Летатель вновь улыбнулся девочке. – Почему ты, прекрасное дитя, напугана? Ведь я же не против, чтобы ты приходила сюда.

– Мама велела мне не беспокоить летателей.

Мужчина рассмеялся:

– Ты вовсе не беспокоишь меня. Может даже, ты через год-другой станешь, как мои друзья, помощницей летателей.

– Я не хочу помогать летателям.

– Чего же ты хочешь, милое дитя? – спросил летатель, не переставая улыбаться. – Неужели летать самой?

Девочка, потупив взор, едва заметно кивнула.

Старуха, стоявшая неподалеку, хихикнула, но летатель хмуро взглянул на нее, и та сразу затихла. Он подошел к девочке, взял ее за руку и сказал:

– Если ты собираешься летать, то практика не помешает. Хочешь прямо сейчас подняться в небо?

– Да.

– Пока ты слишком мала для крыльев. – Летатель усадил девочку себе на плечи так, что ее ноги свесились ему на грудь. Она вцепилась руками ему в волосы. – Нет, нет, – сказал он. – У летателей нет опоры, в воздухе их удерживают только собственные руки-крылья. Расправь их!

Она подняла руки на высоту плеч.

– Правильно?

– Да. Но помни, даже когда твои руки устанут, не опускай их, – предостерег он. – У летателей крепкие мышцы на руках, и они никогда не устают.

– Я сильная, – заверила его девочка.

– Отлично. Готова к полету?

– Да. – Она замахала руками.

– Нет, нет, нет. Не маши, ты – не птица. Вспомни, как летаем мы.

– Вы летаете точь-в-точь как козодои.

– Иногда как козодои, – согласился летатель. – Иногда как стервятники. Мы всегда парим в небе, а ветры несут нас туда, куда нужно. И ты попробуй так же: держи руки неподвижно и выбирай попутный ветер. Ты чувствуешь ветер?

– Да.

Ветер был теплым, пах морем и недавней грозой.

– Тогда хватай его руками-крыльями!

Девочка закрыла глаза, ветер подхватил ее и понес.

Летатель, словно тоже подхваченный воздушным потоком, побежал по песку. Ветер ежеминутно менял направление, и летатель следовал ему. Девочка держала руки неподвижно, ветер, казалось, крепчал, летатель бежал все быстрее, и она подпрыгивала на его плечах все сильнее и сильнее.

– Ты залетишь в воду! – внезапно закричал летатель. – Поворачивай! Поворачивай!

Она, не раз видев, как это делают летатели, опустила правое крыло, подняла левое, и они, описав полукруг, повернули обратно. Девочка вновь установила руки на один уровень, и летатель побежал в противоположную от океана сторону.

Он бежал, а она летела, и они оба смеялись от души. Наконец он остановился и сказал:

– Достаточно. Начинающему летателю не стоит надолго оставлять землю.

Он опустил девочку на песок.

Солнце уже высоко поднялось над горизонтом, руки девочки болели, но она была настолько поглощена полетом, что думать забыла об ожидающей дома взбучке.

– Спасибо, – поблагодарила она, переводя дыхание.

– Меня зовут Расс, – представился он. – Если захочешь полетать еще, приходи. У меня нет летателей-наследников.

Девочка нетерпеливо кивнула.

– А тебя как зовут? – спросил он, стряхивая с одежды песок.

– Марис.

– Красивое имя. Ну, Марис, мне пора. Полетаем в следующий раз?

Он улыбнулся и, не дожидаясь ответа, побрел по берегу. К нему тут же присоединились двое помощников со сложенными крыльями, и до девочки донесся их беззаботный смех.

Немного постояв, она бросилась за ними. Заслышав ее шаги, летатель обернулся.

– Вот, – сказала она, доставая из кармана и протягивая ему липучку.

Секундное замешательство на его лице сменилось улыбкой, и он торжественно принял дар из ее рук.

Марис, на мгновение прижавшись к нему, побежала прочь. Она бежала, раскинув руки, а ласковый ветер толкал ее в спину.

Часть первая

Шторм

Ветер нес ее всего в десяти футах от бушующих волн, и, забыв о холоде, Марис уверенно играла с ветром широкими серебряными крыльями. Стремительный, рискованный, волшебный полет над опасностью сквозь соленые морские брызги! Над головой темно-синее небо, ветер мчит без усталости, за спиной крылья – чего же еще желать! Вот так, в полете, даже смерть легка...

Сегодня она летела лучше, чем когда-либо, почти инстинктивно лавируя в воздушных течениях, непрерывно набирая скорость и покоряя пространство. Море то и дело пыталось дотянуться до нее волной, но Марис не сделала ни одной ошибки. Только опытный летатель может позволить себе полет над самым гребнем волн, когда любое неверное движение грозит гибелью: стоит лишь задеть крылом волну – и ты в воде. Конечно, было бы разумней лететь выше, как летают дети, высотой защищая себя от ошибок, но Марис хорошо знала ветры.

Впереди, на фоне неба, она заметила длинную, гибкую шею сциллы и среагировала, не задумываясь. Руки, прикрепленные к растяжке, сами сделали нужное движение. Огромные серебряные крылья из невесомой, но невероятно прочной ткани послушно изменили положение. Одно крыло пошло вниз, почти коснувшись пенистого гребня волны, второе – вверх. Марис поймала восходящий поток и начала подниматься. Всего несколько минут назад у нее мелькнула мысль о смерти... Но, подобно неосторожной чайке, быть выхваченной из воздуха голодным морским чудовищем! Только не это...

Поднявшись на безопасную высоту, она описала круг над сциллой. Сверху хорошо просматривалось огромное тело и ряды ритмично работающих плавников. Крошечная по сравнению с самим чудовищем головка раскачивалась на длинной тонкой шее, не обращая на нее внимания. «Может быть, – подумала Марис, – летатели не пришли ей по вкусу».

Стало холоднее, ветер все больше насыщался острым запахом моря. Шторм набирал силу, в воздухе чувствовалось трепетание. Сцилла осталась далеко позади, и снова Марис была одна в темном небе. Лишь гудение ветра в крыльях нарушало тишину.

Спустя какое-то время вдаль замаячила ее цель – остров. Вздохнув с сожалением, что так краток был полет, она начала снижение.

Джина и Тор – двое бескрылых островитян – дежурили у места посадки. Чем они занимались, когда не встречали летателей, Марис не имела понятия. Она заложила вираж, чтобы привлечь их внимание; они поднялись с мягкого песка и помахали ей. Когда Марис пошла на второй заход, они уже были готовы. Теперь она летела почти у самой земли. Джина и Тор догнали ее слева и справа, и когда Марис, поднимая ногами фонтаны песка, скользнула по площадке, ухватились за концы крыльев и стали тормозить. Марис протащила их несколько футов, оставляя за собой три глубоких борозды, и наконец остановилась, лежа лицом вниз на сухом холодном песке. Дурацкое положение. Приземлившийся летатель выглядит как перевернутая черепаха; при необходимости Марис сумела бы встать и сама, но это нелегкая и неэстетичная процедура.

Джина и Тор поднялись на ноги, отряхнулись и принялись складывать крылья. Марис лишь пыталась устоять на месте под порывами ветра. Каждый опорный сегмент крыла выходил из зацепления и укладывался на предыдущий, ткань между ними опадала, и в конце концов за спиной у Марис осталась только центральная опора, с которой стекали широкие складки блестящей металлической ткани.

– Мы ожидали Колля, – сказала Джина, приглаживая торчащие в разные стороны короткие волосы.

Марис покачала головой. Действительно, лететь должен был Колль, но ей отчаянно хотелось в небо. Она просто взяла крылья – пока еще ее крылья – и ушла из дому, когда он спал.

– Через неделю, я думаю, он налетается всласть, – добродушно произнес Тор. Его прямые светлые волосы все еще были в песке. Поеживаясь от холодного морского ветра, он улыбнулся и добавил: – Будет летать, сколько ему захочется!

Но когда он попытался помочь Марис отстегнуть крылья, она, внезапно рассерженная его бездумными словами, резко отвернулась:

– Оставь! Я не буду их снимать.

Разве ему понять! Им недоступна ее боль – ведь у них никогда не было крыльев...

Она побежала к дому, Джина и Тор последовали за ней. Немного подкрепившись, Марис встала поближе к открытому огню, чтобы обсохнуть и согреться. На расспросы отвечала коротко, больше молчала, стараясь не думать о том, что это, быть может, ее последний полет. И потому что она летатель, хозяева, хотя и были разочарованы, с уважением относились к ее молчанию. Для большинства островитян летатели уже давно стали единственной нитью, связывающей их с дальними землями. Постоянно штормящие моря, населенные сциллами, морскими котами и другими огромными хищниками, слишком опасны для регулярного сообщения маленькими лодками; исключения составляли короткие визиты жителей островов одной группы. Вот и стали летатели незаменимым источником свежих новостей, слухов, песен...

– Правитель примет тебя, как только ты отдохнешь. – Джина легко коснулась плеча Марис, выводя ее из грустной задумчивости.

... Неужели можно жить лишь тем, что служишь летателям? Наверно, Джина гордилась бы мужем, обладателем крыльев, – кто знает, со временем им мог бы стать Колль, но ей никогда не понять, как тяжело расставаться с ними. Уже скоро летателем будет Колль, а она, Марис...

– Я готова. Сегодня я не устала. За меня работали ветры.

Джина провела ее в комнату, где ждал сообщения Правитель. Как и в первой комнате, здесь было мало мебели, зато огромный, сложенный из камней очаг дышал жарким огнем. Когда Марис вошла, Правитель поднялся из мягкого кресла возле огня и шагнул ей навстречу. Летателей всегда встречали как равных, даже на островах, где Правители считались чуть ли не богами.

После традиционных приветствий Марис закрыла глаза и пересказала послание. Содержание мало волновало ее, слова сами собой складывались в предложения, не задевая и не тревожа сознания. Скорее всего политические новости. В последнее время это всегда была политика.

Закончив, она открыла глаза и улыбнулась Правителю. Того явно обеспокоило ее сообщение, но он быстро справился с собой и вежливо улыбнулся в ответ.

– Спасибо. Ты принесла важные вести, – произнес он негромко.

Островитяне приглашали Марис остаться на ночь, но она отказалась: к утру шторм может стихнуть, а кроме того, ей опять неудержимо хотелось подняться в небо. Тор и Джина проводили ее до прыжковой скалы. Здесь вдоль извилистой тропы до плато на вершине каждую ночь зажигались огни. Естественный уступ наверху вручную приспособили под стартовую площадку для летателей. За краем площадки – сорок футов отвесной стены, а внизу – яростно бьющиеся о камни волны. Джина и Тор помогли Марис расправить крылья и закрепить опорные сегменты. Металлическая ткань наполнилась ветром и засияла в отблесках огня. Марис оттолкнулась от края скалы и прыгнула вперед.

Ветер тут же подхватил ее, увлек ввысь. Она снова в воздухе! Внизу билось темное море, а вокруг неистово бушевал шторм. Ни разу не оглянувшись на провожавших ее взглядами бескрылых, Марис полетела прочь от острова.

Скоро, слишком скоро она тоже останется на берегу...

Возвращаться домой не хотелось. Ветер достиг ураганной силы. Но это ее не смутило, и она повернула на запад. Чувствовалось приближение грозы. Скоро начнется дождь. Придется подняться над облаками, чтобы случайная молния не ударила в ее металлические крылья. Дома шторм, наверно, уже прошел. Скоро люди выйдут прочесывать берег в надежде, что море и ветер принесли что-нибудь стоящее. Маленькие рыбацьи лодки отправятся за дневным уловом...

А ветер, продолжая петь свою разухабистую песню, уже подхватил Марис, и она плавно скользила в воздушном потоке. И вдруг вспомнился Колль. Марис вздрогнула, потеряла равновесие. Она заколебалась, сорвалась вниз, резко подалась вверх, ища подходящий воздушный поток и ругая себя. Как же было здорово – неужели все кончается?.. Неужели это ее последний полет... Он должен быть лучшим. Бесполезно – она потеряла уверенность в себе, и ветер-любовник оставил ее.

Марис рванулась наперерез шторму, напрягая до боли каждый мускул, набирая высоту, увеличивая скорость. Если тебя покинуло чувство ветра, лететь так близко от воды опасно. Марис выбивалась из сил, и лишь когда вдали мелькнули скалистые очертания Эйри, она поняла, как далеко ее завела захватывающая борьба с ветром.

Эйри – одинокая голая скала в море, словно огромная каменная башня в окружении злобного прибоя. Ничто не приживалось здесь, кроме гладкого мха. Только птицы гнездились в глубоких расщелинах и на самой вершине построили свое гнездо летатели. Ни один корабль не мог пристать здесь, и только крылатые – люди и птицы – делили вершину.

– Марис!

Взглянув вверх, она увидела Дорреля. Темные на фоне неба крылья падали прямо на нее. В последний момент она увернулась и легко ушла в сторону. Доррель со смехом бросился вдогонку вокруг скалы, и Марис, забыв об усталости и боли, тут же растворилась в волшебной радости полета.

Когда они наконец приземлились, с востока вдруг с воем налетел ветер, хлестнул дождь, жая холодными каплями их лица и руки, и только тут Марис почувствовала, что совсем замерзла. Без посторонней помощи они опустились на мягкую землю в выдолбленной посадочной яме, и Марис протащило целых десять футов в образовавшейся грязи. Минут пять ушло на то, чтобы подняться и распутать тройные ремни крепления. Потом она старательно привязала крылья к колышку и принялась их складывать. Когда она закончила, руки ее ныли, зубы стучали от холода, и Доррель, заметив это, нахмурился.

– Ты издалека? – спросил он, перекидывая свои аккуратно сложенные крылья через плечо. – Наверно, летела все время впереди шторма, устала и я не должен был тебя отвлекать. Извини, не сообразил, хотя мне и самому досталось от ветра. С тобой все в порядке?

– Да, все нормально. Я и в самом деле немного устала, но сейчас рада, что встретила тебя. Хорошо полетали, мне этого не хватало. Хотя в конце было тяжело, я даже думала – упаду. Но хороший полет лучше любого отдыха.

Доррель рассмеялся и обнял ее за плечи. Марис, почувствовав тепло его разгоряченного после полета тела, задрожала еще сильнее. Он молча прижал ее к себе.

– Пойдем в дом, пока ты не превратилась в ледышку. У Гарта есть несколько бутылок кивы с Шотана, и одна, должно быть, уже горячая. С кивой мы тебя быстро согреем.

В большой общей комнате было, как всегда, тепло и сухо, но пусто. Гарт, невысокий мускулистый летатель, лет на десять старше Марис, сидел у огня один. Он поздоровался,

и Марис попыталась ответить на приветствие, но горло словно перехватило от холода, и она не смогла выдавить из себя ни слова. Доррель подвел ее к огню.

– Как последний идиот, я не давал ей приземлиться. Она совсем замерзла, – произнес он, торопливо стаскивая с себя мокрую одежду. Потом достал из стопки у огня два больших полотенца и спросил: – Кива горячая? Налей нам немного.

– С какой стати я буду тратить на тебя киву? – проворчал Гарт. – Вот Марис я, пожалуй, налью: она красивая девушка и отличный летатель.

И он шутливо поклонился Марис.

– Придется потратить, – отозвался Доррель, растираясь полотенцем. – А то, знаешь, вдруг у кого-то кружка ненароком опрокинется...

Гарт огрызнулся, и между ними завязалась привычная перепалка. Марис не слушала – подобные стычки ей не впервой. Она отжала волосы и сидела, замороженно глядя на быстро исчезающие причудливые пятна влаги на горячих камнях. Потом перевела взгляд на Дорреля, пытаясь запечатлеть в памяти его образ: тонкую фигуру летателя, живое, выразительное лицо. Заметив на себе ее взгляд, Доррель обернулся, глаза его потеплели, и последняя ядовитая реплика Гарта осталась без ответа.

– Ты все еще дрожишь. – Доррель легонько коснулся ладонью подбородка Марис, забрал у нее полотенце и накинул ей на плечи. – Гарт, доставай бутылку из огня, не то она лопнет. И наливай!

Киву разлили в большие глиняные кружки. От первых же глотков горячего, сдобренного специями и орехами вина по венам растеклись тоненькие ручейки огня, и Марис перестала дрожать.

– Славное винцо, верно? – Гарт улыбнулся. – Хотя, конечно, разве Доррель оценит всю прелесть?.. Я надул одного старого рыбака на целую дюжину бутылок. Старик нашел их среди обломков на берегу. Сам он не знал, что это такое, а жена сказала, чтоб не тащил в дом «всякую гадость». Я выменял бутылки за кое-какие побрякушки и маленькие металлические бусы, что хотел подарить сестренке.

– А что же теперь получит сестренка? – поинтересовалась Марис между глотками.

– Что-нибудь придумаю, – пожал плечами Гарт. – В конце концов, она и не знала про них. Я хотел сделать сюрприз. Принесу ей в следующий раз что-нибудь с Повита. Крашенные яйца, например.

– Если не найдешь, на что обменять их по дороге, – добавил Доррель. – Гарт, если твоя сестра и получит когда-нибудь подарок, она не перенесет такой неожиданности и забудет, что нужно обрадоваться. Ты прирожденный торгаш. Я думаю, подвернись хорошая сделка, ты бы и крылья свои обменял.

– Заткнись и никогда не произноси таких слов! – негодуя прохрипел Гарт и повернулся к Марис. – Как твой брат? Я давно его не видел.

Держа кружку обеими руками, чтобы от волнения не расплескать содержимое, Марис сделала еще глоток.

– Через неделю он вступит в Возраст, – ответила она настороженно. – Крылья перейдут к нему. А где он проводит время, я понятия не имею. Может, ему не нравится ваша компания.

– Почему это? – Гарт даже обиделся, хотя Марис не думала его задевать. – Чем же мы ему не подходим? Мне он нравится. Нам всем он нравится, а, Доррель? Спокойный такой, может быть, чересчур осторожный иногда, но это пройдет. Чем-то он из всех нас выделяется, зато какие рассказывает истории! А поет!.. Люди будут ликовать, завидев в небе его крылья. – Гарт недоуменно покачал головой. – Где он находит свои песни? Я путешествовал гораздо больше, но...

– Он их сам сочиняет, – ответила Марис.

– Сам? – удивился Гарт. – Ну, тогда он будет нашим первым певцом. И на следующем состязании мы отберем приз у Восточных. Западные всегда были лучшими летателями, но, по справедливости, наши певцы никогда не заслуживали, чтобы их так называли.

– Я пел за Западных в последний раз, – возразил Доррель.

– Вот я и говорю...

– Да у тебя самого голос, как у морской кошки!

– А я на этот счет и не обольщаюсь.

Марис задумалась, глядя на огонь, и пропустила последнюю реплику Дорреля мимо ушей. Здесь, на Эйри, она чувствовала себя спокойно и уверенно – даже сейчас, когда Гарт заговорил о Колле. Как ни странно, здесь ей было уютно. Никто не жил на скале летателей постоянно, но все же это был своего рода дом. Ее дом. Дом летателей. И грустно сознавать, что бывать здесь ей больше не придется.

Она вспомнила свой первый полет на Эйри, добрых шесть лет назад, сразу после вступления в Возраст. Тринадцатилетняя девчонка, гордая от того, что прилетела так далеко одна, но еще застенчивая и слегка напуганная. В большой комнате тогда собралось больше десятка летателей. Они сидели полукругом около огня, пили, смеялись. Вечеринка была в самом разгаре. Все обернулись, когда она вошла, заулыбались. Гарт был тогда молодым летателем, Доррель – совсем мальчишка, тощий, чуть старше ее. Она еще никого не знала. Но Хелмер, опытный летатель с острова неподалеку от того, где жила Марис, тоже был тогда на Эйри. Он всех и познакомил. Даже сейчас Марис помнила имена и лица: огненно-рыжая Анни с Кульхолла, Фостер, который позже располнел и не смог летать, Джемис-старший... Особенно ей запомнился Ворон, молодой высокомерный летатель, разодетый в черные меха с металлическими блестками, который три раза подряд приносил Восточным победу на состязаниях. Еще тогда присутствовала худенькая гибкая блондинка с Внешних Островов. Собственно говоря, вечеринку затеяли в ее честь: редко кто с Внешних залетал в такую даль.

Все стали поздравлять Марис, и вскоре ей начало казаться, что почетный гость вовсе не девушка с далеких островов, а она. Невзирая на возраст, ей налили вина, потом все пели и рассказывали байки о полетах, большинство из которых она уже слышала, но никогда – в такой компании. Наконец, когда Марис полностью освоилась с обстановкой, летатели перестали уделять ей особое внимание, и вечеринка продолжалась своим чередом.

Конечно, забыть эту первую встречу невозможно, но особенно четко в память Марис врезался один эпизод. Из Восточных присутствовал один только Ворон, и, естественно, на его долю пришлось множество в общем-то безобидных шуток и насмешек. Но он немного выпил и, в конце концов не выдержав, вскочил и пошел к выходу.

– Вы называете себя летателями! – крикнул он от дверей резким голосом, который и сейчас звучал у Марис в ушах. – Идите сюда, я покажу вам, как надо летать!

Все высыпали наружу и отправились к прыжковой скале – самой высокой скале на Эйри. Двести футов отвесной стены, а в самом низу – острые зубья камней и яростно бьющая среди них вода. Ворон со сложенными крыльями подошел к краю, раскрыл первые три сегмента и вдел руки в петли, но сегменты не закрепил, и крылья свободно поворачивались вместе с руками. Сначала Марис не могла понять, что он задумал, но через минуту все прояснилось. Ворон разбежался и прыгнул вперед. Со сложенными крыльями!

Марис вскрикнула и бросилась к краю. Остальные тоже подошли, кто побледнев, кто насмешливо улыбаясь. Рядом с ней оказался Доррель.

А Ворон стремительно падал вниз головой, прижав руки к бокам, и только серебряное полотно крыльев неистово билось под напором воздуха. Казалось, это продолжалось бесконечно. Но в последнюю секунду, уже над самыми камнями, когда Марис ясно представила себе и почти почувствовала страшный удар, вдруг как бы из ниоткуда сверкнули на солнце расправленные крылья. Ворон успел поймать ветер, выровнялся и полетел.

Марис была потрясена. Но Джемис-старший, самый опытный летатель Западных, только рассмеялся:

– Я уже дважды видел этот трюк Ворона. Он смазывает маслом крепления сегментов и в нужный момент изо всех сил выбрасывает крылья в стороны. Каждый сегмент поочередно становится на место и закрепляется. Красиво, конечно. Держу пари, он долго тренировался, прежде чем решился показать такое. Только когда-нибудь один из шарниров заклинит, и мы о Вороне больше не услышим.

Но даже трезвые слова Джемиса не могли омрачить чуда. Марис часто видела, как летатели, не дожидаясь помощи бескрылых, поднимают руку с почти раскрытым крылом и резким взмахом ставят на место последние один-два сегмента. Но чтобы вот так!..

Ворона встретили на посадочной полосе, и он, усмехнувшись, обратился ко всем:

– Когда сможете так, тогда и называйте себя летателями!

Конечно, он был безрассуден и заносчив, но тогда, да и несколько лет спустя, Марис казалось, что она влюблена в бесстрашного Ворона.

Марис грустно покачала головой и допила вино из глиняной кружки. Сейчас она понимала всю нелепость и глупость этой бравады. Ворон погиб года через два после той встречи: бесследно пропал в море. Каждый год погибали более десятка летателей, и обычно с ними пропадали крылья. Иногда неловкие летатели тонули, иногда длинношеи сциллы нападали на неосторожных. Шторм настигал усталых, грозовые молнии охотились за металлом в крыльях. Летателя подстерегает масса опасностей, но большинство, полагала Марис, просто сбивались с пути и гибли в неизвестности, выбившись из сил. Случалось, кто-нибудь становился жертвой редкого, но наиболее страшного явления – штиля. Теперь Марис понимала: у Ворона с его эффектными, но никому не нужными трюками было гораздо больше шансов погибнуть, чем у любого другого летателя.

Голос Дорреля оторвал ее от воспоминаний.

– Марис, смотри не усни.

Марис с сожалением поставила пустую кружку на пол, потом нехотя протянула руку к огню и потрогала свитер.

– Он еще не высох, – запротестовал Гарт.

– Тебе холодно? – спросил Доррель.

– Нет. Просто надо возвращаться.

– Но ты устала, – сказал Доррель. – Ночуй здесь.

– Не могу. – Марис отвела взгляд. – Обо мне будут беспокоиться.

Доррель вздохнул:

– Тогда возьми сухую одежду. – Он поднялся, прошел в дальний угол комнаты и открыл створки резного деревянного шкафа. – Выбери себе что-нибудь.

Марис не тронулась с места.

– Я лучше надену свое. Я сюда больше не вернусь.

– Марис, не выдумывай, ты же знаешь... Короче, иди сюда и выбирай. Можешь оставить взамен свою одежду. Я не отпущу тебя в мокром...

– Хорошо. Извини.

Марис медленно поднялась и, закутавшись в полотенце поплотнее, подошла к шкафу. Глядя на нее, Гарт улыбнулся. Вместе с Доррелем она выбрала подходящие брюки и свитер, быстро оделась. Доррель последовал ее примеру, после чего они подошли к стойке. Марис взяла в руки сложенные крылья и внимательно проверила шарниры. С крыльями редко что случалось, но если случалось, то, как правило, подводили шарниры. Прочная серебряная ткань переливалась и светилась так же ярко, как многие годы назад, когда Звездоплаватели прилетели в Гавань Ветров.

Крылья оказались в порядке, и Марис пристегнула ремни. «Эти крылья еще послужат Коллю, – с удовлетворением подумала она, – затем его детям, внукам и последующим поколениям...»

Гарт подошел и встал рядом с ней. Марис взглянула на него.

– Я не такой краснбай, как Колль или Доррель, – начал он. – Я хотел... словом, всего хорошего, Марис.

Он покраснел, не зная, куда себя деть. Летатели не прощаются друг с другом. «Но я уже не летатель», – подумала Марис. Она обняла его, поцеловала и попрощалась, как принято у бескрылых.

Доррель вышел вместе с ней. Шторм уже кончился, но ветер был еще крепок, как это обычно бывает на Эйри, и в воздухе чувствовалась соленая водяная пыль. Звезды в небе едва проглядывали.

– Подожди хотя бы, пока взойдет луна, – сказал Доррель. – Поужинаем вместе. И мы с Гартom подеремся за право ухаживать за тобой.

Марис покачала головой. Наверно, ей вообще не следовало сюда прилетать. Надо было сразу лететь домой, и тогда не пришлось бы прощаться. Легче не ставить точку. Легче делать вид, будто все по-прежнему, а потом просто исчезнуть...

Когда они добрались до прыжковой скалы, той самой, откуда несколько лет назад падал Ворон, Марис взяла Дорреля за руку, и они остановились в молчании.

– Марис, – наконец вымолвил Доррель, глядя на море. – Марис, ты могла бы выйти за меня замуж. Я бы делил с тобой крылья, и ты продолжала бы летать.

Марис отпустила его руку, почувствовав, как все ее тело охватил огонь возмущения. Как он мог! Как это жестоко с его стороны!

– Не надо, – прошептала она. – Крылья – твои, но не для того, чтобы ты делил их с кем-то.

– Традиция... – В голосе Дорреля звучала безнадежность, и Марис поняла его смущение. Он хотел помочь ей, но не хотел причинять боль. – Мы могли бы попробовать. Крылья останутся моими, но ты бы все равно летала...

– Не надо, Доррель... Правители... твои Правители никогда не позволят. Это не просто традиция, это – закон. В их власти отобрать у тебя крылья и отдать другому, кто больше уважает традиции. Вспомни, как поступили с Линдом-контрабандистом. И даже если мы сбежим куда-нибудь, где нет ни законов, ни Правителей, где будем только мы, как долго ты выдержишь? Делить крылья со мной или с кем-либо другим... Разве ты не понимаешь? Мы же возненавидим друг друга. Я не ребенок, чтобы практиковаться, пока ты отдыхаешь. Я не смогу так жить: летать лишь изредка, зная, что крылья никогда не будут моими. А тебе надоест смотреть, как я с завистью слежу за твоими полетами, и мы...

Она замолчала, не находя слов.

– Извини, – чуть погодя сказал Доррель. – Я хотел сделать что-нибудь, помочь тебе, Марис. Я знаю, что тебя ждет, и мне тоже больно... Даже думать не хочу, что ты уйдешь и никогда больше...

– Да, да... Молчи... – Марис вновь взяла его за руку и крепко сжала.

– Ты же знаешь, я люблю тебя, Марис. Ты ведь знаешь?..

– И я люблю тебя, но я... я никогда не выйду за летателя... Не сейчас. Я не могу... Я не знаю, на что я способна ради крыльев...

Она посмотрела на него, пытаясь скрасить ласковым взглядом горькую правду произнесенных слов.

Они прижались друг к другу на самом краю обрыва, не в силах выразить словами свои чувства, потом расступились, глядя в сторону затуманенными от слез глазами.